

съ особеннымъ напряженіемъ теперь, внушается народу.

И пусть не говорятъ, что православные учителя полагаютъ сущность ученія въ чемъ либо другомъ, а что это только древнія формы, которыя не считаются нужными разрушать. Это неправда: по всей Россіи, всѣмъ русскимъ духовенствомъ и въ послѣднее время съ особеннымъ напряженіемъ внушается только эта вѣра. Другого ничего нѣтъ. Про другое говорится и пишется въ столицахъ, но среди стамилліоннаго народа дѣлается только это и внушается только это и больше ничего. О другомъ церковники разговариваютъ, а это они внушаютъ всѣмъ возможнымъ мѣрами.

Все это, и поклоненіе лицамъ, и иконамъ внесено въ богословіе, въ катехизисы; этому старательно учатъ народъ теоретически и практически, всѣмъ средствами торжественности, блеска, авторитета, насилия гипнотизируя его, заставляютъ его вѣрить въ это и ревниво оберегаютъ эту вѣру отъ каждой попытки освобожденія народа отъ этихъ дикихъ суевѣрій.

На мопкхъ глазахъ, какъ я говорилъ по случаю моей книги, вырожденіе многихъ лѣтъ ученіе Христа и его собственныхъ слова о непритвореніи злу были предметомъ насмѣшекъ, балаганныхъ шутокъ и церковники не только не противились этому, но поощряли это кощунство; но попробуйте сказать непочтительное слово о безобразномъ идолѣ, кощунственно развозимомъ по Москвѣ пьяными людьми подъ именемъ Пверской, и поднимется стовѣ негодования этихъ самыхъ православныхъ церковниковъ. Проповѣдуется только внѣшній культъ идолопоклонства. И пусть не говорятъ, что одно дѣлаетъ другому, что «сіе надлежитъ дѣлать и того не ославлять», что «все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте, и дѣлайте, по дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ». (Мф. XXIII, 23, 3). Это сказано о фарисеяхъ, которые исполняли всѣ внѣшнія предписанія закона, и потому слова: «что велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте», относятся къ дѣламъ милости и добра, слова же: «по дѣламъ же ихъ не поступайте, они говорятъ, но не дѣлаютъ», относятся къ исполненію обрядовъ и упущенію дѣла добра и имѣютъ какъ разъ обратный смыслъ того, который хотятъ придать этому мѣсту церковники, толкуя такъ, что соблюдать вѣдѣно обряды. Внѣшній культъ и служеніе милости и правды трудно совмѣстимы; большею частью одно исключаетъ другое. Такъ было это у фарисеевъ, такъ это и теперь у церковныхъ христіанъ.

Если человѣкъ можетъ спастись испуленіемъ, таинствами, молитвой, то добрыя дѣла уже не нужны ему.

Нагорная проповѣдь или символъ вѣры; нельзя вѣрить тому и другому. И цер-

ковники выбрали послѣднее: символъ вѣры учтисъ и читается, какъ молитва и въ церквахъ, а нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ, такъ что въ церквахъ никогда, кромѣ какъ въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе, прихожане не услышатъ ее. Да и не можетъ быть иначе: люди, вѣрующіе въ злаго и безразсуднаго Бога — проклявшаго родъ человѣческой и обречшаго своего сына на жертву и часть людей на вѣчное мученіе,—не могутъ вѣрить въ Бога любви. Человѣкъ, вѣрующій въ Бога-Христа паки грядущаго со славою судить и казнить живыхъ и мертвыхъ, не можетъ вѣрить въ Христа, повѣщающаго подставлять щеку обидчику, не судить, прощать и любить враговъ. Человѣкъ, вѣрующій въ боговдохновенность Ветхаго Завета и святость Давида, завѣщающаго на смертномъ одрѣ убійство старика, оскорбившаго его и котораго онъ самъ не могъ убить, такъ какъ былъ связанъ плывою (3-я книга царей, глава 2, стихъ 8) и тому подобныя мерзости, которыми полонъ Ветхій Заветъ, не можетъ вѣрить въ нравственный законъ Христа; человѣкъ, вѣрующій въ ученіе и проповѣди церкви о соувѣстности съ христіанствомъ казней, войны, не можетъ уже вѣрить въ братство всѣхъ людей.

Главное же, человѣкъ, вѣрующій въ спасеніе людей вѣрою въ искушеніе плп въ таинства, не можетъ уже всѣ силы свои полагать на исполненіе въ жизни православнаго ученія Христа.

Человѣкъ, наученный церковью тому кощунственному ученію о томъ, что человѣкъ не можетъ спастись своими силами, а что есть другое средство, необходимо будетъ прибѣгать къ этому средству, а не къ своимъ силамъ, на которыя, его увѣряютъ, — грѣхъ надѣяться. Ученіе церковное — всякое, съ своимъ искушеніемъ и таинствами, исключаетъ Христово ученіе, тѣмъ болѣе ученіе православное съ своимъ идолопоклонствомъ.

«Но народъ самъ такъ всегда вѣрилъ, такъ вѣритъ теперь, скажутъ на это. Вся исторія русскаго народа доказываетъ это. Нельзя лишить народа его предавія». Въ этомъ то и обманъ. Народъ когда-то точно исповѣдовалъ нѣчто подобное тому, что исповѣдуетъ теперь церковь, хотя далеко не то же самое (въ народѣ, кромѣ этого пазувѣрства иконъ, домовыхъ, мошей и сѣмиковъ съ вѣнками и березками, всегда было еще глубокое нравственное жизненное пониманіе христіанства, котораго никогда не было во всей церкви, а встрѣчалось только въ лучшихъ представителяхъ ея); но народъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя въ этомъ ставило ему государство и церковь, давно уже пережиль въ лучшихъ представителяхъ своихъ эту грубую степень пониманія, что онъ и мо-